

Г. К. ЧЕСТЕРТОН

ТАЙНА ОТЦА БРАУНА

ДЕТЕКТИВНЫЕ РАССКАЗЫ

Отец Браун

Гилберт Честертон

Преследование Синего человека

«ЭКСМО»

1935

Честертон Г. К.

Преследование Синего человека / Г. К. Честертон — «Эксмо», 1935 — (Отец Браун)

«Человек с унылой фамилией Магглтон с приличествующим унынием брел по солнечной приморской набережной. Он озабоченно хмурился, и многочисленные группы и цепочки уличных актеров, растянувшиеся вдоль пляжа, тщетно ожидали бы хоть какого-нибудь знака одобрения от него. Пьеро поднимали к нему бледные лунообразные лица, похожие на брюшки дохлых рыб, но это не улучшало его настроение. Ярмарочные негры с серыми от размазанной сажи лицами тоже безуспешно пытались вызвать у него проблески веселья. Магглтон был печальным и разочарованным человеком. Черты его лица, за исключением лысого насуспенного лба, были впалыми и невыразительными, так что единственное броское украшение на фоне этой тусклой физиономии казалось особенно неуместным. Это были лихие военные усы выдающихся размеров, подозрительно похожие на фальшивые. Возможно, они и на самом деле были фальшивыми. Однако они могли быть выращены и специально, волевым усилием, поскольку являлись частью его профессии, а не склада личности...»

© Честертон Г. К., 1935

© Эксмо, 1935

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Гилберт Кийт Честертон

Преследование синего человека

Человек с унылой фамилией Магглтон с приличествующим унынием брел по солнечной приморской набережной. Он озабоченно хмурился, и многочисленные группы и цепочки уличных актеров, растянувшиеся вдоль пляжа, тщетно ожидали бы хоть какого-нибудь знака одобрения от него. Пьеро поднимали к нему бледные лунообразные лица, похожие на брюшки дохлых рыб, но это не улучшало его настроение. Ярмарочные негры с серыми от размазанной сажи лицами тоже безуспешно пытались вызвать у него проблески веселья. Магглтон был печальным и разочарованным человеком. Черты его лица, за исключением лысого насупленного лба, были впалыми и невыразительными, так что единственное броское украшение на фоне этой тусклой физиономии казалось особенно неуместным. Это были лихие военные усы выдающихся размеров, подозрительно похожие на фальшивые. Возможно, они и на самом деле были фальшивыми. Однако они могли быть выращены и специально, волевым усилием, поскольку являлись частью его профессии, а не склада личности.

Дело в том, что мистер Магглтон был частным сыщиком, бравшимся за разные мелкие дела, а сумрачная печать на его челе объяснялась крупной неудачей в его профессиональной карьере; так или иначе, она была связана с чем-то более серьезным, чем просто его унылая фамилия. По сути дела, он мог даже втайне гордиться ею, так как происходил из бедного, но честного семейства нонконформистов, претендовавшего на некую связь с основанием движения магглтонианцев, – единственным человеком, осмелившимся появиться с такой фамилией в человеческой истории.

Самой же непосредственной причиной его уныния и досады (во всяком случае, по его собственному мнению) было то, что он недавно присутствовал при кровавом убийстве всемирно известного миллионера и не смог предотвратить трагедию, хотя был нанят именно с этой целью с жалованьем в пять фунтов в неделю. Это объясняет, почему даже томная мелодия песни под названием «Скрасишь ли ты мой одинокий день?» не смогла наполнить его радостью жизни.

Кстати говоря, на пляже были и другие, кто мог проникнуться сочувствием к теме убийства и магглтонианской традиции. Приморские курорты служат излюбленным местом не только для пьеро, взывающих к страстным чувствам человеческой природы, но и для проповедников, нередко специализирующихся на мрачном обличении человеческих пороков. Магглтону волей-неволей пришлось обратить внимание на одного пожилого оратора, настолько пронизывающими были его крики, если не сказать – вопли религиозного пророчества, заглушавшие звуки банджо и кастаньет. Это был высокий, разболтанный и угловатый старик, одетый в подобие рыбацкой фуфайки, с нелепо выглядывшими длинными отвислыми бакенбардами, которые не приходилось видеть после исчезновения определенной категории модников середины викторианской эпохи. Поскольку у всех пляжных шарлатанов принято выставлять напоказ какую-нибудь вещь, словно они собираются продавать ее, старик демонстрировал обшарпанную рыболовную сеть, которую он обычно расстилал на песке, словно ковер для королевы, но иногда начинал бешено крутить ее над головой, наподобие римского ретиария¹, готового пронзить трезубцем своего соперника на гладиаторской арене. Его речи всегда сводились к грядущему наказанию; его слушатели не слышали ничего, кроме угроз в адрес своих душ и тел. По настроению он был настолько близок к теме мистера Магглтона, что казался обезумевшим палачом, обращавшимся к толпе убийц. Мальчишки называли его Старым Вонючкой. У него бывали и другие причуды, помимо чисто теологических. Иногда он забирался в импро-

¹ Ретиарий – римский гладиатор, вооруженный металлической сетью и трезубцем.

визированное гнездо, образованное железными опорами под пирсом, забрасывал сеть в воду и заявлял, что добывает себе пропитание рыболовством, хотя никто не видел его за рыбалкой. Иной раз случайные прохожие вздрагивали от громоподобных угроз, словно доносившихся из грозовой тучи, но в действительности звучащих с насеста под железной крышей, откуда сверкал глазами старый маньяк с нелепыми бакенбардами, свисавшими словно пучки серых морских водорослей.

Но сыщик мог бы поладить со Старым Вонючкой гораздо лучше, чем с другим священником, на встречу с которым он направлялся. Для того чтобы объяснить причину этой предстоящей, более важной встречи, следует указать, что после своего недавнего провала в деле с убийством бизнесмена Магглтон благоразумно выложил все свои карты на стол. Он рассказал о случившемся полицейским и единственному доступному представителю Брэма Брюса (так звали погибшего миллионера), его щеголеватому секретарю Энтони Тейлору. Инспектор полиции отнесся к нему с большим сочувствием, чем секретарь, но выразил свое сочувствие самым неожиданным образом. После некоторого размышления инспектор чрезвычайно удивил Магглтона, посоветовав ему обратиться к способному детективу-любителю, который, по его сведениям, находился в городе. Магглтону приходилось читать рассказы и романы о Великом Криминалисте, который сидит в своей библиотеке как некий интеллектуальный паук и плетет сеть теоретических построений, охватывающую весь мир. Он был готов к тому, что окажется на уединенной вилле, где его встретит эксперт в лиловом халате, или в мансарде, где этот чародей курит опиум и сочиняет акростиhi, в огромной лаборатории или одинокой башне. К вящему своему изумлению, у края причала на людном пляже он встретился с маленьким коренастым священником в шляпе с широкими полями и с широкой улыбкой, который в тот момент прыгал по песку вместе со стайкой бедных детей, весело размахивая деревянной лопаткой.

Когда священника-криминалиста, которого звали Браун, наконец удалось отделить от детей (хотя и не от лопатки), он показался Магглтону еще более подозрительным. Он беспомощно околачивался среди дурацких аттракционов на морском берегу, говорил о случайных вещах и особенно увлекался рядами игровых автоматов, которые обычно бывают расставлены в подобных местах. Он с серьезным видом опускал пенсовые монетки, чтобы поиграть в гольф, футбол или крикет, исполняемый заводными фигурками, а потом занялся миниатюрными скачками, где одна металлическая куколка догоняла другую и перепрыгивала через нее. Но все это время он с большим вниманием слушал историю, которую рассказывал злосчастный сыщик. Однако его манера не давать одной руке знать, что делает другая с пенсовыми монетками, действовала Магглтону на нервы.

– Нельзя ли отойти и где-нибудь посидеть? – нетерпеливо спросил Магглтон. – У меня есть письмо, которое вы должны прочитать, если хотите составить какое-то представление об этом деле.

Отец Браун со вздохом отвернулся от прыгающих куколок, пошел вслед за своим спутником и сел на железную скамью, стоящую на берегу. Магглтон уже развернул письмо и молча вручил его священнику.

Письмо показалось отцу Брауну довольно резким и странноватым. Он знал, что миллионеры не всегда утруждают себя хорошими манерами, особенно в отношении подчиненных, таких как частные сыщики, но в письме содержалось нечто большее, нежели обычная бесцеремонность.

Дорогой Магглтон!

Никогда не думал, что мне придется снизойти до обращения за такой помощью, но это уже нестерпимо. За последние два года становилось только хуже и хуже. Пожалуй, вам нужно знать, в чем тут дело. Есть один грязный мошенник, который, стыдно сказать, приходится мне кузенком. Он был уличным зазывалой, бродягой, знахарем, актером и занимался прочими

подобными вещами, но имеет наглость действовать под нашей фамилией и называет себя Бертраном Брюсом. Полагаю, он либо получил какую-нибудь мелкую работу в местном театре, либо пытается ее получить. Но вы можете быть уверены, что это не настоящее его дело. На самом деле он хочет загнать меня в угол и навсегда покончить со мной. Это старая история, и она никого не касается; было время, когда мы шли наравне в гонке за успехом, да и за тем, что люди называют любовью. Разве я виноват, что он оказался неудачником, а я добился успеха? Но этот мерзавец клянется, что еще сможет преуспеть, что он застрелит меня и убежит с моей... неважно с кем. Конечно, он наполовину сумасшедший, но вскоре попытается стать настоящим убийцей.

Я буду платить вам пять фунтов в неделю, если вы встретитесь со мной в домике у края причала сразу же после того, как причал закроют на ночь, и возьметесь за эту работу. Это самое безопасное место для встречи, если в наше время вообще остались безопасные места.

Дж. Брэм Брюс

– Боже мой, – пробормотал отец Браун. – Похоже, это письмо было написано в большой спешке.

Магглтон кивнул и после небольшой паузы стал рассказывать собственную историю. Хорошо поставленный голос странно контрастировал с его неуклюжей внешностью. Священник отлично знал о тайном увлечении культурой речи у многих представителей нижнего и среднего класса, но даже его поразил превосходный, пусть и немного педантичный выговор собеседника, словно тот читал свою речь по книге.

– Я подошел к маленькому круглому домику в конце причала раньше, чем мой distinguished клиент. Я открыл дверь и прошел внутрь, пребывая в уверенности, что он хочет сделать нашу встречу как можно более незаметной. Впрочем, это была излишняя предосторожность, потому что причал очень длинный и никто не мог увидеть нас с пляжа или променада. Взглянув на часы, я понял, что вход на причал должен быть уже закрыт. На свой лад, мне было лестно, что клиент решил встретиться со мной в таком уединенном месте; значит, он действительно полагался на мое содействие и защиту. Так или иначе, мысль о встрече на причале после закрытия принадлежала ему, и мне оставалось лишь согласиться. В маленьком круглом павильоне стояло два стула, поэтому я просто сел и стал ждать. Ожидание продлилось недолго. Он славился своей пунктуальностью, и когда я посмотрел в маленькое круглое окно напротив меня, то увидел, как он медленно приближается, словно осматривая местность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.